

ДНИ
ИСКУПЛЕНИЯ

НИКОЛЕТТА ВЕРНА

INSPIRIA
Москва

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44
В35

Nicoletta Verna
I GIORNI DI VETRO

Copyright © 2024 Nicoletta Verna

First published in Italy in 2024 by Einaudi/Stile libero
This edition published in agreement with the Author represented by
United Stories Agency – Roma, in conjunction with
Piergiorgio Nicolazzini Literary Agency (PNLA)

Перевод с итальянского *Натальи Симоновой*

Верна, Nicoletta.

В35 Дни искупления / Nicoletta Verna ; [перевод с итальянского Н. Симоновой]. — Москва : Эксмо, 2025. — 448 с.

ISBN 978-5-04-208605-2

Эмилия-Романья, Северная Италия, 1924 год. Редента родилась в коммуне Кастрокаро в день убийства социалиста Джакомо Маттеотти, что ознаменовало начало фашизма. В деревне ходят слухи, что на ней порча. Бруно, любимый друг детства, который обещал жениться на ней, несмотря на ее изуродованную полиомиелитом ногу, исчезает без причины. И когда капитан легиона фашистов по прозвищу Глаз выбирает ее в качестве невесты, его садизм не может заглушить в ней желание спасать: сначала других, а после себя.

Жизнь Реденты пересекается с жизнью Ирис, партизанкой в группе легендарного командира Диаса. Но та скрывает кое-что важное...

УДК 821.131.1-31
ББК 84(4Ита)-44

ISBN 978-5-04-208605-2

© Симонова Н., перевод на русский язык, 2025
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2025

*Роберте,
Ирис*

There are two ways through life,
the way of Nature and the way of Grace¹.
Терренс Малик. «Древо жизни»

¹ В жизни есть два пути: путь природного естества и путь благодати. (Пер. Н. Симоновой.)

Юность

Прежде, до моего рождения и появления моих братьев и сестер, живых и мертвых, было гораздо лучше. Была только моя мать, которая металась на постели в крохотной спальне и кричала:

— Убейте меня, Христа ради!

А Фафина отвечала ей:

— Замолчи, нечистый явится.

Так продолжалось три дня и три ночи, пока не раздался душераздирающий крик матери и на свет не появился Гоффредо, первый из моих умерших братьев. Когда его шлепнули, чтобы он заплакал, а он не заплакал, Фафина, покачив головой, сказала:

— Значит, Господу понадобился еще один ангелочек.

Она видела много мертворожденных младенцев, и этот ничем не отличался от других, даже если был ее внуком.

Мать посмотрела на него потухшим взглядом.

— Почему? — спросила она.

— Потому что ты переела арбуза. Живот наполнился водой, и ребеночек утонул, бедняжка.

Мать какое-то время держала его рядом с собой в постели, мокрой от пота, крови и вод, отошедших в родах. Затем вернулся отец из поместья Тарасконе, подошел молча, с голым торсом. Равнодушно взглянул на сына, как на котенка: взял его за мордочку, повернул к себе, посмотрел и отпустил.

— Ты даже детей не можешь родить?

— Вы женились на мне, Примо. Принимайте меня такой, какая я есть, — ответила она, глядя на шрам на его груди, прямо под сердцем.

— Знаю, черт тебя подери.

Вечером отец тайком ушел в бордель «Борго-Пиано» — мать все равно бы не узнала об этом, потому что не могла встать с постели, а вернувшись, улегся рядом с ней. Младенец лежал в колыбели, накрытый пеленкой, с красной шапочкой на голове, которую Фафина связала крючком.

— Как ты его назвала?

— Гоффредо.

— Куда мы его положим?

— К моему бедному папаше.

— Ладно, — сказал он, поворачиваясь на другой бок, и о мертвом ребенке больше никто не вспоминал.

Вторым был Тонино, родившийся в июле. Пока ждала его, мать ни разу не притронулась к арбузу и пила не больше пяти глотков воды в день, чтобы он не захлебнулся. Но Тонино все равно родился мертвым.

Она обмыла его, одела как следует и сказала Фафине:

— Позовите дона Феррони, пусть благословит его.

Потом взяла нож, которым свеживали туши животных, и, полураздетая, под палящим солнцем, отправилась

в поле Тарасконе. Отыскала арбуз, вонзила в него нож и съела до последней корки вместе с семечками. Когда наелась, ее живот так раздуло, что казалось, она снова беременна.

Последней была Арджия. Она появилась на свет в день Тела и Крови Христовых, живая, с широко раскрытыми глазами, в тот момент, когда под окнами проходила процессия. Мать смотрела на нее так, словно перед ней был сам святой младенец Иисус, боясь даже прикоснуться, чтобы не накликать беду. Отец недовольно проворчал: лучше бы родился мальчик — после двух мертвых детей должна была выжить именно девчонка? Фафина ответила, что женщина с характером сначала рождает девочку, а если ему не нравится, пусть убирается, от него все равно никакого толку. Они сели за стол, а новорожденная девочка лежала в колыбели. Но ночью Арджия перестала дышать, не издав ни звука, и утром, уже окоченевшая, с полуоткрытыми глазками, неподвижно лежала на своей подушечке.

На следующий день Арджию похоронили. Возвращаясь с кладбища, мать сказала Фафине:

— Надо идти к доктору Серри Пини.

Фафина не ответила. Опустив голову, она продолжила идти быстрым шагом до самого дома на повороте в Санта-Марию. Уже на пороге, за мгновение до того, как мать вошла в дом, она тихо произнесла, будто самой себе:

— Иди к Дзамбутену, а не к Серри Пини, — и торопливо ушла.

Мать, как всегда, послушалась ее, потому что Фафина слыла самой умной женщиной в Кастрокаро — умнее мэра и даже священника — и все считались с ее мнением.

— Знаю, зачем вы пришли, — сказал Дзамбутен, открывая ей дверь.

Он усадил мать за стол из черного дерева, который подарил ему сенатор Беллини в благодарность за то, что Дзамбутен вылечил его от ночных приступов безумия.

— Если знаете, скажите, что мне делать.

В Кастрокаро были доктор Серри Пини, у которого работала медсестрой моя бабушка Фафина, а еще был Дзамбутен. Если болезнь можно было вылечить, шли к Серри Пини. За всем остальным — а таких случаев было куда больше — обращались к Дзамбутену. Он был знатоком растений, корней и одному богу известных снадобий и три года жил в монастыре Святого Антония в Монтепаоло, где монахи обучили его премудростям аптекарского искусства. Но самое главное — они подарили ему деревянный посох, принадлежавший самому святому Антонию. Если Дзамбутен касался им больного места, человек выздоравливал. Он исцелил даже донну Ракеле, которая после рождения второго сына, Бруно, впала в тяжелую тоску, и однажды утром дуче лично приехал из Милана, чтобы поблагодарить его, и привез в подарок десять ящичков лучшего вина альбана из Предаппио.

— Дети умирают, потому что у вашего мужа слишком мало крови, — заявил он.

— Так и знала, что это его вина.

Дзамбутен коснулся все еще большого живота моей матери посохом святого Антония.

— Дело непростое.

— Какая разница?! Скажите, что надо сделать.

— Дождитесь месячных. Первые после родов мертвой девочки будут самые важные. Сядьте на серебряный ночной горшок, подмешайте десять капель крови в вино санджовезе и дайте выпить мужу.

Мать молча выслушала его.

— Двенадцать дней спустя пусть он возьмет вас, затем на следующий день, и еще на следующий. После этого вам нельзя даже смотреть друг на друга. Вы должны спать отдельно: у вас будет одна постель, у него — другая. У вас родится дочь. На ней будет порча, но девочка выживет.

— Что значит — порча?

— Ей не будет дано счастья, зато будет дано милосердие. Милосердие заменит ей счастье и позволит видеть больше, чем видим мы. И она выживет.

Мать ничего не поняла, но не перебила его.

— Потом у вас родятся еще две девочки, здоровые. Когда придет их время, у них тоже будут дочери.

— Только девочки?

— Только девочки.

— А как родить мальчика?

— Ох, мальчика...

Дзамбутен поднялся и проводил ее до двери.

— Сколько я вам должна? — спросила она на пороге.

Он не ответил. Бедным Дзамбутен лечил то, что невозможно было вылечить, даром.

Мои родители не сказать что были бедными, во всяком случае, не беднее других. Отец работал смотрителем в имении графа Морелли в Тарасконе, куда отправлялся каждый день по улице, проходящей мимо крепости, а мать продавала бобы люпина с тележки на рынке Санта-Мариин. В Кастрокаро те, кто работал в термальном санатории, уже имели уборные, ей-богу, белые керамические напольные унитазы: выливаешь ведро воды — и все смывается, будто ничего и не было. А мои родители, как и другие жители Санта-Мариин, все еще ходили во двор, в деревянный туалет, — там так воняло, что текли слезы. Нужно было

садиться на корточки над ямой, а потом быстро подтираться тряпкой. Но они не жили бедно: ежемесячно платили за аренду дома на повороте виа Национале и почти не брали в долг. Отец покупал себе сигареты и по вечерам ходил в кабак, а иногда — тайком в бордель. Во дворе они держали свинью, которую граф подарил ему в награду, и ждали, когда настанет день святого Антония, чтобы ее зарезать. Они не жили бедно, но не жили и богато, поэтому мать не знала, где раздобыть серебряный ночной горшок, про который говорил Дзамбутен.

Рано утром она села в автобус и поехала в Форли — город, который люди называли Большим, потому что, приезжая туда, видели начало, но не видели конца. Мать заглянула к лавочнику и в хозяйственный магазин, но нигде не нашлось такой странной вещи. Под конец она встретила знакомую из Кастрокаро, которая работала служанкой. Девушка сказала, что ее хозяйка покупает столовое серебро в лавке за Порта-Котоньи, куда привозили товар из Болоньи, и мать отправилась туда. Она взглянула на свое отражение в стеклянных витринах, с горечью осознала тяжесть и смрад своей нищеты, а затем спросила у приказчика, есть ли у него серебряный ночной горшок.

Он порылся на полках.

— Вот. Это не ночной горшок, а конфетница.

— А... что?

Он объяснил ей, для чего служит конфетница. Она подумала: «Подойдет для малой нужды» — и спросила:

— Сколько стоит?

— Четыреста лир.

У матери закружилась голова.

— Заберу за триста.

— Триста пятьдесят.

— Ладно.

Она вернулась в Кастрокаро, дождалась вторника — дня скотного рынка — и пошла продавать свинью, которую граф Морелли подарил отцу в награду за его службу.

Когда отец увидел конфетницу и не увидел свинью, он застыл в недоумении, а потом с яростью набросился на мою мать.

— Ты что, с ума сошла! — заорал он, схватив ее за волосы, и толкнул ее к буфету. — Ты издеваешься надо мной?!

Он ударил ее головой об угол, и кровь брызнула ей на лицо.

— Как же я рада, что чуть не убила вас тогда! — прошипела мать.

В глазах у нее темнело, она теряла сознание.

— Вот и прикончила бы меня, раз подвернулась возможность, — меньше бы мучился!

Мать закрыла глаза, а когда открыла их снова, лежала в постели с перевязанной головой и висевшей плетью рукой. В таком состоянии она провела целую неделю. На восьмой день начались месячные, она достала конфетницу, спрятанную в буфете, села на нее и сделала то, что велел ей Дзамбутен.

Я родилась 10 июня 1924 года, ровно через девять с половиной месяцев, когда Большой колокол пробил полдень.

2

Мой отец только что вернулся из Тарасконе, когда Фафина произнесла:

— Девочка. Живая.

Он бросил взгляд на жену: